

ПОЛКОВНИК
НАДЕЖИН
ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

страхе – «антихрист спустился на землю». Селяне были сплошь безграмотными, многие приходили к отцу, чтобы что-то написать или прочитать. И вдруг вся наша жизнь резко изменилась.

Осенью 1930 года отца арестовали – начались гонения на богослужителей. Через неделю арестовали и мать. Мы с братом Николаем, которому только что исполнилось 11 лет, остались без родителей. Нас приютила сторожиха церкви, поселила в сторожке – небольшой домике при церкви. Все, что родители нажили своим трудом, было конфисковано. Вскоре мы разузнали, что в 60 километрах в селе Гнилая Плюта близ станции Пюньри Курской области служит в церкви отец матери, наш дедушка Никифоров Михаил Иванович, он был выше рангом, чем простой священник. Мы решили идти к нему, нашему ближайшему родственнику и рассказать, что с нами произошло. Шли три дня. Дедушку застали в сторожке рядом с красивой церковью. Он был удивлен нашим появлением, но принял, и стали мы жить вместе с ним в сторожке. Дедушку не арестовали, но лишили всего нажитого. Навсегда лишился он большого дома с усадьбой и садом в селе Тросно между городами Орел и Кромь. Ареста он избежал, видимо потому, что его старший сын Георгий в то время был начальником ГПУ Центрально – Черноземной области, в нее входила наша Курская, Орловская и другие области.

Мама освободилась из тюрьмы после шестимесячного заключения. В 1931 году приехала к своему отцу и забрала нас с братом к новому месту жительства недалеко от места, куда сослали отца. Позднее отцу разрешили проживание только в Вологодской области. В вологодской области отец избрал местом ссылки г. Сокол. Здесь он устроился на работу и ему даже выделили комнату. Это было по-настоящему радостное событие и небывалая удача. Мать забрала к отцу моего брата Николая, а я остался с дедушкой помогать ему в церковной службе. Оставили меня с дедом, видимо и потому, что скудная жизнь родителей не позволяла содержать двоих детей.

Дедушка научил меня церковно – славянскому языку, на котором я читал на амвоне церкви Псалтырь и Псалмы из Евангелия. Также я пел на клиросе в церковном хоре. В 1932 году родители забрали меня к себе. После долгого перерыва я снова пошел учиться в Ф 3 Д (фабрично – заводскую десятилетку). Помню, что родителям очень трудно было содержать двоих сыновей, но я смог окончить 7 классов – серьезное образование для тех лет – и тайком определяюсь на работу. В 1933 году жить стало еще труднее. Наша семья вынуждена была разделиться. Брат остался с отцом, а мы с мамой переехали в Мурманск, где и нашли работу по своим способностям. В поселке Кола, в 12 километрах от Мурманска сняли баню, чтобы было где переночевать, начали устраивать жизнь. Меня приняли на работу учеником бухгалтера в Мурманском отделении Коммунального банка. Днем я в банке работал, а вечером по направлению из банка учился на курсах Союзоргучета. Учеба была поставлена серьезно. Я получил образование в объеме финансового техникума. Уже во время учебы меня постоянно продвигали по службе, а после окончания назначили на должность старшего бухгалтера отдела капитального строительства уже Мурманского областного Коммунального банка.

В 1935 году мама переехала к отцу и я начал жить самостоятельно. Мне была предоставлена комната в общежитии Банка со всеми «удобствами во дворе». Но комната была меблирована, с радиоприемником и, главное, я за нее ничего не платил. Я жил хорошо, даже помогал материально родителям. Так я жил и работал с 1 июня 1934 года по 20 августа 1939 года. Потом меня перевели на работу главным бухгалтером санатория на озере Имандра Кировского района Мурманской области. Отсюда 29 ноября 1939 года меня призвали в Красную Армию. До этого я состоял на «броне».

Службу начал в 6 полку связи Киевского особого военного округа (КОВО) сначала телефонистом кабельно – шестовой роты, затем старшим писарем штаба полка. Затем полк передислоцировали в г. Тарнополь (Западная Украина) того же военного округа. Чувствовалось, что надвигается война: частые приезды старших военачальников, генералитета, наши неоднократные выезды на границу...

В мае 1941 года на меня неожиданно обрушились новые события: меня арестовывают и везут под охраной неизвестно куда. Нас, арестованных, было немало, везли долго и неизвестно куда. Строжайший был запрет на «всякие любопытства». О том, что происходит в стране, ничего не было известно. Через щели теплушки, в которой нас везли, мне удалось рассмотреть вокзал и на нем надпись – «Вологда». Другие наши наблюдения через щели привели к выводу – началась война. Нас везут все дальше и дальше как особо опасных преступников, которых на границе или вблизи ее оставлять нельзя. В моей голове все перепуталось: за что? Ведь я был комсомольцем, почему без объяснений отобрали билет? Что я сделал? Может быть меня подвело поповское

происхождение. Вся жизнь – и в молодости, и в зрелом возрасте я вынужден был скрывать, что я сын священника. Заполнял я в свое время множество анкет и автобиографий и везде приходилось писать, что отец был «служащим» - счетоводом (не церковнослужителем), а мать – учительницей. С этими горькими раздумьями я вышел из товарного состава и под конвоем отправился в знаменитый Александровский централ – сибирскую тюрьму, которая в своих стенах скрывала декабристов.

Нам уже точно было известно, что идет война и наши отступают под натиском немецких войск. Было до жути обидно. Мыслями я был со своими однополчанами : где они теперь, что с ними. Переживание за них были закономерными, так как за полтора года службы я многому научился, со многими сблизился, привык к дисциплине, порядку. Командиры для меня были эталоном поведения, я их уважал, верил в них. Верил я и в силу Красной Армии. А здесь такой поворот событий!

В тюрьме я сидел до января 1942 года. Меня ни разу не вызывали на допрос. Других вызывали, судили, даже освобождали. Я был в полной неизвестности. В камере находилось 40 человек и все, как они говорили сидели по политическим статьям. Однажды, как всегда неожиданно, открывается дверь камеры, надзиратель называет мою фамилию – выходите, Вы свободны. Потом – получите документы. Я был измучен и истощен долгим заключением и, главное, неизвестностью. Вопросы не задавал, но на всю жизнь эти вопросы остались: почему и за что взяли, почему выпустили. Сейчас же было облегчение – ворота тюрьмы открылись, я на свободе. Пришел, как и полагалось, в Усольский райвоенкомат. На пункте приема положили меня на нары отдыхать, а на другой день в составе команды отправили в 385 запасной стрелковый полк Забайкальского военного округа. Он находился на ст. Мальта Иркутской области.

Меня как старослужащего назначили командиром пулеметного отделения. Проводил занятия с новобранцами. В основном это были призванные в армию узбеки, киргизы, казахи. Служба была тяжелой прежде всего потому, что после тюрьмы мое здоровье было ослаблено, вернее, я был истощен. Но от

обязанностей своих я не отказывался. Помог мне старшина роты Гизатуллин. Он заметил мое состояние и стал незаметно подкармливать. Сам он был местным, призван из запаса, видимо сохранил связь с семьей и мог себе это позволить. После отбоя призывал меня к себе в каптерку и кормил невиданной роскошью – салом с чесноком и хлебом. Мы подружились. В полку я получил очередное звание – старший сержант.

В феврале 1943 года по спецнабору меня направили в Забайкальское пулеметно – минометное училище, расположенное на станции Дивизионная Бурят – Монгольской АССР Забайкальского военного округа. Училище я закончил в конце января 1944 года. Обучали ускоренно, но по трехгодичной программе. 9 января 1944 года мне было присвоено приказом Министра обороны первое офицерское звание «младший лейтенант». В училище я получил настоящую военную подготовку, учили именно тому, что позволяло успешно воевать. Обучали в условиях суровой требовательности командного состава к выполнению распорядка дня и учебной программы, в сложных климатических условиях Забайкалья. В училище приобрел я и необходимые навыки по обучению и воспитанию солдат и сержантов, превращению их в умелых бойцов. Все это потом очень пригодилось на войне.

Итак, за 39 дней до начала Великой Отечественной войны меня увезли в арестантском вагоне от Западной границы так далеко и так надолго, что только в марте 1944 года я оказался на фронте.

1 марта 1944 года прибыл в 30 отдельный полк офицерского состава Резерва 1 Украинского фронта в непосредственной близости от передовых позиций. Вскоре меня направили в 3 Гвардейскую танковую армию, которой командовал прославленный командующий генерал-полковник Павел Семенович Рыбалко. Армия после тяжелых длительных и кровопролитных боев остановилась для переформирования и пополнения личным составом, техникой и вооружением. Началась усиленная подготовка к новым боям.

Меня назначили на должность командира станковых пулеметов «Максим» в третью мотострелковую роту 2 мотострелкового батальона 70 Проскуровской мотострелковой бригады. Расположились мы в деревне Красувка вблизи прифронтового Тарнополя на Западной Украине, откуда меня 3 года назад увозили на восток. Какая ирония судьбы.

Вновь прибывших офицеров принимал лично командир батальона майор Казанов Ермолай Михайлович, кавалер трех Георгиевских крестов за Первую мировую войну с немцами и многих советских наград за бои с немцами уже в Великую Отечественную войну. С каждым офицером он внимательно знакомился, долго беседовал, изучал личное дело. Рассказал о прошедших боях роты, куда меня назначили, охарактеризовал командира. «Обрадовал» сообщением, что наших пулеметов «Максим» пока нет – в ремонте. Солдат предстоит обучать по Наставлению. Если к моменту начала боев, пулеметы нам не доставят, придется воевать пехотинцами. Отобьем у немцев пулеметы – будем бить врага их же оружием. Потом вызван был и командир роты, с которым вместе я направился в расположение части.

Бойцы располагались в окопах и траншеях во дворах домов, на огородах, кое – где стояли палатки. Взвода как такового не было. Пулеметы вышли из строя, пулеметчиков распределили по стрелковым взводам. Главной моей задачей стало разыскать и вернуть их, принять пополнение и сформировать боевую единицу. За несколько дней набрал штатную численность – 23 человека, распределил их на три отделения, в каждом из которых было по станковому пулемету. Наконец поступили и сами пулеметы. Начал проводить интенсивные занятия по боевому применению «Максимов», разбирали возможные неисправности, задержки при стрельбе и способы их устранения. Обучал солдат также и стрельбе из автомата, винтовки. Короче, учил пользоваться любым оружием. Занятия проходили прямо в боевой обстановке, так как немецкая авиация почти каждый день бомбила наше расположение. То тут, то там возникали пожары, были раненные и погибшие, несмотря на то, что мы буквально закопались в землю. Пожары тушили, хоронили наших погибших товарищей, и продолжали боевую учебу.

18 апреля 1944 года нас подняли по тревоге и бросили в бой по предотвращению прорыва окруженной в районе Львова немецкой группировки. Моему взводу пришлось вступить в бой на одном из самых важных направлений. В районе деревни Весенберг противник отчаянно атаковал, стремился разорвать «кольцо» и вырваться из окружения. Дважды шквальным огнем наших станковых пулеметов атаки немцев были отбиты с большими для них потерями. Мы заняли деревню, выбили немцев с выгодных позиций. Отходившего противника мои пулеметчики поливали прицельным огнем, пока не кончились патроны. Наш батальон, мои пулеметчики срочно начали немецкие окопы превращать в свои. Не успели перевернуть фронт обороны в сторону противника, как начался артиллерийско-минометный обстрел и бомбежка немцев. Противник хорошо знал расположение своих укреплений, и огонь был плотный.

Ш Т У Р М «КРЕПКОГО ОРЕШКА»

Весной 1944 года наши войска в жестоких боях громили фашистских захватчиков на территории Польши. Гитлеровцы создали укрепленный опорный пункт на высоте Васенберг, сделали его неприступным. И название он имел «Крепкий орешек». Подразделению советских войск была поставлена задача - выбить противника из этого укрепленного пункта. При наступлении взвод, которым командовал лейтенант В.Е. Надежин, первым поднялся на штурм «Крепкого орешка», а затем и вся рота пошла в наступление. Немцев выбили, они, отступая, поставили дымовую завесу, перегруппировались и бросились в контратаку. Наши бойцы не дрогнули. На взвод лейтенанта Надежина наступило около 150 вражеских солдат. Он приказал подпустить противника на дистанцию 50 метров и открыть огонь в упор. Немцы понесли большие потери, но у наших бойцов кончились боеприпасы. Сложилось критическое положение: могут погибнуть все защитники высоты. Тогда В.Е. Надежин поднял свой взвод в рукопашную схватку, за ним на противника бросилась вся рота. Атаку гитлеровцев отбили, они бежали, оставив на поле боя своих раненых. Лейтенант В.Е.Надежин с бойцами своего взвода истребил около 30 вражеских солдат. В дальнейшем он с боями прошел Польшу, освобождал города Львов, Перемышль, Сандомир, участвовал в форсировании рек Сан и Висла. За боевые подвиги он награжден четырьмя орденами и многими медалями.